Д. Гримм.

Соотношеніе между юридическими институтами и конкретными отношеніями.

I.

Всякій юридическій институтъ, какъ составная часть данной системы положительнаго права, призванъ регулировать тѣ или иныя жизненныя отношенія. Это положеніе само по себѣ одинаково вѣрно, идетъ ли рѣчь объ институтахъ публичнаго или частнаго права, и, въ первомъ случаѣ, говоримъ ли мы объ институтахъ государственнаго или административнаго, уголовнаго или международнаго права и т. д.

Въ связи съ этимъ естественно возникаетъ вопросъ о соотношеніи, которое существуетъ между юридическими институтами, съ одной стороны, и жизненными отношеніями, ими регулируемыми,—съ другой стороны. Въ частности, спрашивается, существуетъ ли въ этой области какое-либо соотвѣтствіе между тѣми и другими, является ли тотъ или иной институтъ адэкватнымъ отображеніемъ соотвѣтствующихъ, регулируемыхъ имъ конкретныхъ отношеній,—если да,—то почему да, въ какомъ смыслѣ и въ какихъ предѣлахъ; если нѣтъ, то почему нѣтъ, и значитъ ли это, что въ такихъ случаяхъ отсутствуетъ какая бы то ни было связь между жизнью и регулирующими ее нормами?

Вопросъ въ такой общей, принципіальной формѣ въ литературѣ совершенно не ставится. Это не значитъ, что на дѣлѣ можно обходиться безъ извѣстныхъ предположеній на этотъ счетъ. Однако, эти предположенія не столько открыто формулируются, сколько молчаливо принимаются: о критической провѣркѣ ихъ нѣтъ и рѣчи. Понятно, что при такихъ условіяхъ они носятъ характеръ совершенно произвольныхъ, необоснованныхъ, принимаемыхъ просто на вѣру гипотезъ или вѣрнѣе постулатовъ.

Нетрудно выяснить, какъ это могло случиться. Создавшееся положеніе вещей является естественнымъ результатомъ полнаго игнорированія важнаго значенія, которое для теоріи права имѣетъ понятіе конкретнаго жизненнаго отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, господствующая доктрина въ своихъ построеніяхъ исходитъ изъ нормъ, какъ изъ основныхъ правовыхъ элементовъ: совокупность особо квалифицированныхъ, «юридическихъ» нормъ составляетъ право въ объективномъ смыслѣ. Нормы объ-

ЦАБ "Автограф"
март 2021

ективнаго права опредѣляютъ, кто и что является субъектами и объектами юридическихъ отношеній и отдѣльныхъ «субъективныхъ» правъ, онѣ же опредѣляютъ объектъ и содержаніе, равно способы возникновенія, измѣненія, перехода, прекращенія и защиты упомянутыхъ юридическихъ отношеній и правъ. Жизненныя отношенія сами по себѣ съ этой точки зрѣнія не имѣютъ значенія и не представляютъ интереса для теоріи права. Естественно, что и вопросъ о томъ, существуетъ ли какое-нибудь соотношеніе между ними и регулирующими ихъ юридическими нормами, и какое именно, остается въ тѣни. Съ другой стороны, ничего не можетъ дать для разрѣшенія поставленнаго нами вопроса и новая психологическая теорія права, которая старается свести всю совокупность правовыхъ явленій къ извѣстнымъ субъективнымъ переживаніямъ индивидуальной человѣческой психики, и которая склонна разсматривать юридическіе институты просто какъ проекціи вовнѣ извѣстныхъ психическихъ переживаній, а отъ реальныхъ жизненныхъ отношеній сознательно отворачивается какъ отъ «res facti», представляющихъ юридическое ἀδιάφορον.

Наша собственная позиція въ данномъ вопросѣ формулирована нами, въ другомъ мѣстѣ [1], слѣдующимъ образомъ: «отправной точкой какъ для соціальныхъ наукъ вообще, такъ и для юридическихъ наукъ въ особенности, является понятіе конкретнаго жизненнаго отношенія». Въ самомъ дѣлѣ, что касается прежде всего нормъ или правилъ, которыми руководствуются люди въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то не трудно убѣдиться, что онѣ уже предполагаютъ наличность извѣстныхъ реальныхъ отношеній между людьми и являются—непосредственно или косвенно—отраженіемъ этихъ отношеній, а слѣдовательно сами по себѣ представляютъ не первичное, а производное явленіе,—одинъ изъ продуктовъ совмѣстной жизни людей, внѣ которой самое появленіе ихъ было бы немыслимо. Дѣйствительно, чѣмъ впервые вызывается появленіе тѣхъ многообразныхъ правилъ (религіозныхъ, этическихъ, юридическихъ, эстетическихъ, техническихъ), которыя опутываютъ насъ со всѣхъ сторонъ? Ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что большинство отношеній сосуществованія, въ которыя мы вступаемъ другъ съ другомъ и съ предметами окружающаго насъ внѣшняго міра, и которыя проявляются вовнѣ въ извѣстномъ поведеніи, въ извѣстной дѣятельности заинтересованныхъ лицъ—въ силу большей или меньшей однородности нашихъ потребностей и средствъ удовлетворенія ихъ,—пріобрѣтаетъ массовый и повторный характеръ. Отсюда, въ примѣненіи къ однороднымъ случаямъ получается извѣстное постоянство поведенія, извѣстный постоянный modus vivendi, который можетъ быть сведенъ къ вольному, сознательному, или невольному, машинальному, соблюденію извѣстныхъ правилъ, извѣстныхъ нормъ... Это одинаково вѣрно, идетъ ли рѣчь о томъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, одѣваются, играютъ въ карты или иныя игры, или о томъ, какъ они совершаютъ сдѣлки, участвуютъ въ актахъ управленія и суда, и т. д. и т. д. Разъ возникнувъ, эти отношенія и

[1] Ср. мой Курсъ римскаго права, I, стр. 31.

соотвѣтствующія правила могутъ пріобрѣсти различное значеніе, въ зависимости отъ оцѣнки ихъ со стороны подлежащихъ организованныхъ и неорганизованныхъ соціальныхъ авторитетовъ (государственныхъ, церковныхъ, техническихъ и т. д.); на этой почвѣ наряду съ первичными могутъ возникнуть, такъ сказать, производныя отношенія и правила (по защитѣ или по борьбѣ съ подлежащими первичными отношеніями),—но существо дѣла отъ этого очевидно не мѣняется.

Столь же нетрудно убѣдиться въ томъ, что и индивидуальныя психическія переживанія людей, о которыхъ говоритъ психологическая теорія права, также предполагаютъ уже наличность извѣстныхъ реальныхъ отношеній сосуществованія между людьми, каковыя и порождаютъ соотвѣтствующія переживанія. Въ самомъ дѣлѣ, не въ безвоздушномъ же пространствѣ можетъ возникнуть у человѣка сознаніе, что другія лица имѣютъ въ отношеніи него извѣстныя «права» или несутъ извѣстныя «обязанности», должно же этому предшествовать соприкосновеніе съ реальными лицами въ условіяхъ той или иной реальной внѣшней обстановки. Конечно, соотвѣтствующія переживанія, разъ они возникли, впослѣдствіи—благодаря работѣ памяти и воображенія—могутъ быть вызваны, могутъ всплыть вновь въ сознаніи человѣка, несмотря на отсутствіе тѣхъ внѣшнихъ моментовъ, которые въ свое время призвали ихъ къ жизни,—но это только лишній разъ подтверждаетъ производный характеръ ихъ. Если къ этому прибавить, что внутреннія психическія переживанія людей могутъ пріобрѣсти соціальное значеніе лишь постольку, поскольку они обнаруживались вовнѣ,—и что о самой наличности этихъ переживаній у третьихъ лицъ мы можемъ судить только по внѣшнимъ проявленіямъ и по внѣшнимъ результатамъ ихъ, что опять-таки предполагаетъ наличность опредѣленныхъ реальныхъ отношеній сосуществованія, то становится еще яснѣе, что отправной точкой могутъ служить только послѣднія.

Въ нашу задачу въ настоящемъ случаѣ не входитъ подробный анализъ конкретныхъ жизненныхъ отношеній, въ которыя мы вступаемъ другъ съ другомъ и съ предметами окружающаго насъ внѣшняго міра, съ точки зрѣнія содержанія ихъ. Эта задача выполнена нами въ другомъ мѣстѣ [1]. Тамъ же мы постарались установить соотношеніе, существующее между общей категоріей конкретнаго жизненнаго отношенія и разновидностями его—конкретнымъ юридическимъ отношеніемъ и конкретнымъ субъективнымъ правомъ [2].

Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ другой вопросъ. Выше нами было замѣчено, что большинство конкретныхъ отношеній сосуществованія, образуя опредѣленныя, постоянныя комбинаціи, пріобрѣтаетъ раньше или позже массовый характеръ и періодически повторяется. Въ связи съ этимъ, въ примѣненіи къ однороднымъ случаямъ устанавливается извѣстное постоянство поведенія, извѣстный постоянный modus vivendi, или,

---

[1] Ук. соч., I, стр. 92 и сл.
[2] Ук. соч., I, стр. 107 и сл., стр. 117, стр. 122 и сл.

ЦАБ "Автограф"
март 2021

иначе говоря, складывается извѣстная система правилъ или нормъ, сознательно или машинально соблюдаемыхъ большинствомъ заинтересованныхъ лицъ въ подлежащихъ случаяхъ.

Все это имѣетъ мѣсто безотносительно къ тому удѣльному вѣсу, который тѣ или иныя категоріи отношеній пріобрѣтаютъ въ экономіи общественной жизни. Опредѣленными правилами регулируются въ жизни и важное и неважное, и мелкое и крупное, разъ только мы имѣемъ дѣло съ явленіями массоваго и повторнаго порядка.

Вопросъ о томъ, насколько важны или неважны, желательны или нежелательны отношенія даннаго рода, есть уже вопросъ оцѣнки. Такая оцѣнка—независимо отъ чисто-личной, субъективной оцѣнки, производимой каждымъ индивидомъ въ отдѣльности,—производится постоянно тѣми организованными и неорганизованными соціальными авторитетами, которые неизбѣжно выдвигаются жизнью каждой общественной группы, объединяемой общностью тѣхъ или иныхъ матеріальныхъ или духовныхъ интересовъ, стремленій, идей, и задача которыхъ—объединять и направлять дѣятельность группы въ томъ или иномъ направленіи, въ той или иной сферѣ жизни. На этой почвѣ возникаютъ авторитеты государственные, церковные, моральные, техническіе и т. д. Каждый изъ этихъ авторитетовъ съ своей точки зрѣнія подходитъ къ безконечному ряду конкретныхъ отношеній сосуществованія, которыя образуютъ извѣстныя, постоянныя комбинаціи или системы отношеній, изъ смѣны которыхъ складывается вся жизнь данной соціальной группы: одни изъ этихъ отношеній и комбинацій отношеній обращаютъ на себя вниманіе, признаются существенными, другія—безразличными, неважными, несущественными. Въ составѣ первой категоріи отношеній, въ свою очередь, одни оцѣниваются какъ нормальныя, желательныя, подлежащія охранѣ, другія—какъ ненормальныя, общественно вредныя, требующія отвѣтной реакціи въ смыслѣ принятія противъ нихъ опредѣленныхъ репрессивныхъ мѣръ. При этомъ, оцѣнка подлежащихъ отношеній и комбинацій отношеній со стороны разныхъ соціальныхъ авторитетовъ можетъ либо совпадать, либо не совпадать: такъ, отношенія, которымъ придается важное (положительное или отрицательное) значеніе со стороны однихъ авторитетовъ (напр., со стороны государственныхъ авторитетовъ), могутъ считаться не имѣющими значенія со стороны другихъ авторитетовъ (напр., церковныхъ); съ другой стороны, отношенія, которыя считаются нормальными, желательными со стороны однихъ авторитетовъ, (напр., судъ Линча въ глазахъ общественнаго мнѣнія данной среды), могутъ считаться ненормальными, общественно вредными со стороны другихъ авторитетовъ (напр., тотъ же судъ Линча въ глазахъ государственныхъ авторитетовъ). Отсюда на практикѣ возможны серьезныя коллизіи.

Независимо отъ этого, коллизіи могутъ возникать и на иной еще почвѣ. Дѣло въ томъ, что признаніе данныхъ отношеній и комбинацій отношеній сосуществованія съ точки зрѣнія данныхъ соціальныхъ авторитетовъ существенными и, въ частности, желательными, нормальными,—не предрѣшаетъ еще вопроса о томъ, въ какихъ предѣлахъ и при ка-

кихъ условіяхъ они признаются таковыми: такъ, отношенія, однородныя по цѣли, могутъ различно оцѣниваться подлежащими авторитетами въ зависимости отъ того, кто является субъектами этихъ отношеній (напр., то, что считается допустимымъ, если это совершаетъ совершеннолѣтній или грамотный и т. д., можетъ считаться нежелательнымъ, если оно совершается малолѣтнимъ или неграмотнымъ и т. д.); то же слѣдуетъ сказать относительно различія въ объектахъ, то же, наконецъ, и относительно тѣхъ случаевъ, когда одинъ и тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ различными путями, при помощи различныхъ дѣйствій (напр., при помощи передачи объекта изъ рукъ въ руки или при помощи односторонняго захвата его).

Въ связи съ этимъ можетъ появиться потребность—съ точки зрѣнія данныхъ авторитетовъ—прежде всего точнѣе указать, точнѣе фиксировать, при какихъ условіяхъ, въ какихъ предѣлахъ, при какомъ образѣ дѣйствій, вообще при соблюденіи какихъ правилъ отношенія и комбинаціи отношеній, которымъ съ данной точки зрѣнія придается значеніе и которыя сходны по результатамъ, на которые они направлены, могутъ быть признаны общественно цѣлесообразными или, наоборотъ, должны быть признаны общественно вредными, не заслуживающими поддержки; съ другой стороны, можетъ явиться потребность организовать новыя, такъ сказать, производныя или дополнительныя отношенія, въ видахъ обезпеченія достиженія тѣхъ или иныхъ, выдвигаемыхъ жизнью, задачъ, въ томъ числѣ, между прочимъ, въ видахъ оказанія поддержки, защиты отношеніямъ, признаннымъ желательными, или въ видахъ борьбы съ отношеніями нежелательными. Соотвѣтствующая регламентація можетъ быть болѣе или менѣе неформальная и даже случайная (напр., когда рѣчь идетъ объ установленіи правилъ какой-нибудь игры, какого-нибудь танца, изготовленія какого-нибудь блюда и т. п.) или, наоборотъ, сама въ свою очередь можетъ быть подчинена тѣмъ или инымъ, подчасъ весьма сложнымъ правиламъ (напр., когда рѣчь идетъ объ изданіи какихъ-нибудь законовъ и т. п.).

Въ результатѣ, изъ сопоставленія такихъ указаній, облекаемыхъ въ форму соотвѣтствующихъ правилъ или нормъ, мы получаемъ, въ противоположность отдѣльнымъ, конкретнымъ отношеніямъ, абстрактные типы отношеній, напр., типъ купли-продажи или права собственности, типъ церковной службы или судебнаго разсмотрѣнія гражданскихъ споровъ, типъ игры въ винтъ или танца польки и т. д. и т. д.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ, въ частности, тѣ отношенія (вѣрнѣе—постоянныя комбинаціи или системы отношеній), тѣ нормы и абстрактные типы, которые именуются юридическими отношеніями, юридическими нормами и юридическими институтами. Мы, разумѣется, въ настоящей статьѣ не намѣрены вдаваться въ критическій анализъ литературы этого вопроса [1]. Ограничимся формулировкой собственнаго взгляда, какъ онъ вытекаетъ изъ всего вышеизложеннаго.

---

[1] Ср. по этому вопросу мой Курсъ р. пр., I, стр. 34 и сл.

Мы понимаемъ подъ юридическими отношеніями тѣ болѣе или менѣе сложныя, постоянныя комбинаціи конкретныхъ отношеній сосуществованія, которымъ съ точки зрѣнія господствующихъ въ данное время практическихъ интересовъ и цѣлей, преслѣдуемыхъ даннымъ государственнымъ союзомъ въ лицѣ подлежащихъ органовъ государственной власти, придается существенное (положительное или отрицательное) значеніе, и въ примѣненіи къ которымъ въ связи съ этимъ складывается соотвѣтственная (юридическая) регламентація. Эта регламентація имѣетъ задачей отчасти санкціонировать (въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ) сложившіяся ранѣе комбинаціи отношеній, отчасти призвать къ жизни новыя, дополнительныя или производныя отношенія и комбинаціи отношеній, въ видахъ облегченія достиженія тѣхъ или иныхъ задачъ, неразрѣшимыхъ или представляющихся неразрѣшимыми инымъ путемъ.

Мы понимаемъ подъ юридическими нормами тѣ правила или нормы, которыя, съ точки зрѣнія подлежащихъ органовъ государственной власти, призваны регулировать конкретныя комбинаціи отношеній, признанныя въ вышеуказанномъ смыслѣ юридически существенными. Часть подлежащихъ нормъ сама складывается помимо непосредственнаго участія органовъ государственной власти (какъ-то нормы бытовыя или обычаи, покоящіеся сами по себѣ на самостоятельномъ авторитетѣ общественнаго мнѣнія, равно нормы статутарныя, а также такъ называемое право юристовъ), въ каковомъ случаѣ только тѣ изъ нихъ пріобрѣтаютъ характеръ юридическихъ, формально обязательныхъ, которыя, въ свою очередь, въ той или иной формѣ санкціонированы подлежащими органами власти. Другая часть этихъ нормъ непосредственно устанавливается подлежащими органами государственной власти, (какъ-то законы, административные указы, наконецъ, нормы, выработанныя судебной практикой) [1].

Мы понимаемъ подъ юридическими институтами совокупность юридическихъ нормъ, относящихся къ данной категоріи однородныхъ конкретныхъ отношеній и комбинацій отношеній, признанныхъ юридически существенными; они указываютъ, въ какомъ смыслѣ, при какихъ условіяхъ и въ какихъ предѣлахъ подлежащія конкретныя комбинаціи отношеній пріобрѣтаютъ характеръ юридически существенныхъ комбинацій отношеній.

Сказаннымъ мы установили тѣ основныя начала, изъ которыхъ слѣдуетъ исходить при разрѣшеніи вопроса о соотношеніи, существующемъ между юридическими институтами и подлежащими конкретными отношеніями. Къ разсмотрѣнію его мы и обратимся теперь.

II.

Предшествующія разсужденія выяснили, между прочимъ, генетическую связь, существующую между конкретными отношеніями сосуще-

[1] Ср. развитіе этихъ положеній въ связи съ иллюстраціями къ нимъ изъ исторіи римскаго права въ моемъ Курсѣ, I, стр. 44 и сл., стр. 51 и сл.

ствованія, въ которыя люди вступаютъ другъ съ другомъ и съ предметами окружающаго ихъ внѣшняго міра, и подлежащими общими, абстрактными типами или институтами. Мы видѣли, что между тѣми и другими устанавливается сложное взаимодѣйствіе. Prima facie конкретныя жизненныя отношенія и постоянныя комбинаціи ихъ, проявляющіяся въ извѣстномъ реальномъ поведеніи, въ извѣстныхъ реальныхъ дѣйствіяхъ реальныхъ субъектовъ, направленныхъ на достиженіе тѣхъ или иныхъ результатовъ относительно тѣхъ или иныхъ реальныхъ объектовъ, составляютъ prius, а складывающаяся въ примѣненіи къ нимъ система нормъ, изъ которыхъ въ примѣненіи къ однороднымъ категоріямъ отношеній образуются подлежащіе абстрактные типы или институты, posterius. Но засимъ, на почвѣ той или иной оцѣнки вѣчно вновь складывающихся отношеній, пріобрѣтающихъ массовый характеръ, со стороны подлежащихъ соціальныхъ авторитетовъ [1], въ частности авторитетовъ государственныхъ, на ряду съ первичными отношеніями могутъ быть призваны къ жизни, воздѣйствіемъ этихъ авторитетовъ, новыя, дополнительныя или производныя отношенія, предназначаемыя служить достиженію тѣхъ или иныхъ, выдвигаемыхъ въ данное время жизнью, задачъ, (какъ эти задачи понимаютъ указанные авторитеты).

Практически это сводится къ тому, что конкретныя жизненныя отношенія, образуя постоянныя комбинаціи и пріобрѣтая массовый характеръ, даютъ поводъ и матеріалъ для выработки соотвѣтствующихъ нормъ и абстрактныхъ типовъ, въ частности—для выработки юридическихъ нормъ и юридическихъ институтовъ. За примѣрами далеко ходить не приходится: исторія любого института доставляетъ въ этомъ отношеніи необходимый матеріалъ. Въ видѣ иллюстраціи укажемъ хотя бы на вліяніе, которое оказало изобрѣтеніе книгопечатанія на выработку частноправнаго института авторскаго права, съ одной стороны, и публичноправнаго института—такъ назыв. законодательства о печати, съ другой стороны. Пока печатнаго станка не существовало, подлежащія отношенія автора къ его произведеніямъ и къ читателямъ публики къ автору и его книгѣ,—не играли сколько-нибудь замѣтной роли въ общественной жизни, и возникающіе на этой почвѣ вопросы относились къ тѣмъ minima, о которыхъ non curat praetor. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, съ связанной съ этимъ возможностью массоваго выпуска въ свѣтъ, массоваго распространенія и массоваго воздѣйствія печатнаго слова на общество, все мѣняется: въ результатѣ появляется рядъ нормъ положившихъ начало авторскому праву, съ одной стороны, появленію цензуры и вообще законодательству о печати—съ другой стороны.

Сказаннымъ взаимодѣйствіе между юридическими институтами и конкретными отношеніями, однако, не исчерпывается; въ самомъ дѣлѣ,

---

[1] Эти авторитеты сами представляютъ продуктъ и проявленіе извѣстныхъ реальныхъ отношеній, отражая въ себѣ взгляды, интересы и идеалы тѣхъ общественныхъ слоевъ данной соціальной группы, которые въ данное время, въ данной жизненной сферѣ пріобрѣли господство.

если конкретныя отношенія даютъ поводъ къ формулировкѣ соотвѣтствующихъ институтовъ, то юридическіе институты, разъ сложившись, въ свою очередь, (независимо отъ вліянія, которое они оказываютъ на психику людей, долженствующихъ считаться съ подлежащими нормами и приспособлять къ нимъ свое поведеніе), служатъ критеріями для квалификаціи отдѣльныхъ, постоянно вновь возникающихъ конкретныхъ отношеній, въ частности для разрѣшенія вопроса о томъ, въ какихъ предѣлахъ данное конкретное отношеніе, выразившееся въ опредѣленномъ поведеніи данныхъ конкретныхъ субъектовъ, въ опредѣленномъ воздѣйствіи ихъ на данные конкретные объекты, приведшее къ тому или иному практическому результату (напр., къ заключенію конкретнаго договора купли-продажи, къ изданію даннаго правительственнаго распоряженія, къ присвоенію чужого имущества и т. д.), признается правомѣрнымъ, согласнымъ съ закономъ, или, наоборотъ, неправомѣрнымъ, нарушающимъ законъ или иную признанную юридическую норму.

Таково практическое соотношеніе между конкретными отношеніями и юридическими институтами. Въ связи съ сказаннымъ слѣдуетъ замѣтить, что въ основѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ лежатъ чисто-практическіе моменты. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что прежде всего конкретныя отношенія сосуществованія, въ которыя мы вступаемъ, въ особенности поскольку они образуютъ болѣе или менѣе постоянныя комбинаціи и пріобрѣтаютъ массовый и повторный характеръ, являются отраженіемъ тѣхъ или иныхъ реальныхъ, практическихъ интересовъ и стремленій: эти практическіе интересы и стремленія, въ связи съ объективными условіями окружающей среды, опредѣляютъ самое появленіе тѣхъ или иныхъ комбинацій конкретныхъ отношеній, содержаніе ихъ, пріобрѣтеніе ими массоваго характера и, въ результатѣ, признаніе ихъ юридически существенными. То же самое mutatis mutandis слѣдуетъ сказать и о юридическихъ институтахъ. Будучи призваны къ жизни данной, эмпирически сложившейся комбинаціей реальныхъ жизненныхъ отношеній, подвергаясь со временемъ тѣмъ или инымъ модификаціямъ въ зависимости какъ отъ мѣняющейся структуры самихъ конкретныхъ отношеній, такъ и отъ измѣненій въ характерѣ оцѣнки подлежащихъ отношеній со стороны руководящихъ въ данное время соціальныхъ, въ частности государственныхъ, авторитетовъ,—юридическіе институты сами составляютъ продуктъ дѣятельности опредѣленныхъ реальныхъ соціальныхъ факторовъ, являются отраженіемъ опредѣленныхъ конкретныхъ идеаловъ и стремленій, добившихся въ данное время по тѣмъ или инымъ основаніямъ господства въ данной соціальной средѣ.— Указанными чисто-практическими моментами, въ связи съ состояніемъ юридической техники въ данное время, опредѣляются какъ пріемы и способы разработки юридическихъ институтовъ, такъ и самое содержаніе ихъ. Лишь послѣ этого, послѣ появленія данной системы регламентаціи подлежащихъ конкретныхъ отношеній, словомъ, послѣ созданія самихъ юридическихъ институтовъ, становится возможнымъ теоретизированіе надъ ними. При этомъ необходимо имѣть

въ виду, что всѣ указанные моменты, отъ которыхъ зависитъ конкретная структура данной системы юридическихъ институтовъ, представляютъ собою величины измѣнчивыя, а это обстоятельство, въ свою очередь, не можетъ не оказать вліянія на результаты, къ которымъ приводитъ взаимодѣйствіе этихъ моментовъ.

Что же отсюда слѣдуетъ? А слѣдуетъ прежде всего то, что къ поставленному нами вопросу о томъ, существуетъ ли какое-либо соотвѣтствіе между конкретными отношеніями и подлежащими юридическими институтами, въ частности, представляютъ ли послѣдніе адэкватное отображеніе первыхъ,—необходимо подойти съ большою осторожностью. А priori ничего сказать нельзя, необходимо обратиться къ анализу эмпирическаго матеріала.

Къ сожалѣнію, этого-то какъ разъ и не дѣлаютъ. Какъ выше было замѣчено, вопросъ о соотвѣтствіи между юридическими институтами и конкретными отношеніями ex professo вообще не ставится. Но такъ какъ на дѣлѣ нельзя обойтись безъ всякихъ предположеній на этотъ счетъ, то и приходится довольствоваться произвольными, критически не провѣренными, предположеніями, допущеніе которыхъ можно объяснить только психологически, а не логически.

Въ частности, можно отмѣтить двѣ основныя ошибки въ постановкѣ этого вопроса въ современной доктринѣ. Первая изъ нихъ представляетъ собою одно изъ проявленій того наивнаго реализма, съ котораго начинается вообще всякое размышленіе надъ окружающей дѣйствительностью: эта дѣйствительность мыслится такою, какою мы ее непосредственно воспринимаемъ. Иначе говоря, наши представленія разсматриваются какъ адэкватное отображеніе окружающей насъ внѣшней среды. Въ примѣненіи къ интересующей насъ проблемѣ это значитъ, что юридическіе институты разсматриваются какъ адэкватное отображеніе или воспроизведеніе подлежащихъ конкретныхъ отношеній. Правда, это положеніе едва ли когда-нибудь открыто формулировалось, но оно лежитъ въ основѣ всѣхъ ходячихъ разсужденій о природѣ юридическихъ институтовъ. Въ частности, въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе основанная на смѣшеніи юридическихъ институтовъ съ конкретными отношеніями, широко распространенная въ современной доктринѣ тенденція конструировать не только частноправные, но и публичноправные институты какъ своего рода особыя юридическія отношенія,—притомъ именно какъ единыя отношенія, которымъ въ жизни тоже соотвѣтствуютъ такія же единыя отношенія, (а не системы или комбинаціи отношеній); такъ, напр., утверждаютъ, что государство есть юридическое отношеніе, процессъ тоже есть юридическое отношеніе и т. д. Въ связи съ этимъ стоятъ дальнѣйшія предположенія, сводящіяся къ тому, что въ составѣ юридическихъ институтовъ слѣдуетъ различать тѣ же элементы, какъ и въ составѣ конкретныхъ отношеній, и что поэтому по структурѣ юридическихъ институтовъ можно судить о структурѣ регулируемыхъ ими конкретныхъ отношеній: на этой почвѣ возникли, напр., споры о существованіи безсубъектныхъ и безобъектныхъ

правъ, о томъ, могутъ ли одни права служить объектомъ другихъ правъ и т. д., и т. д. [1].

Рука объ руку съ первой ошибкой идетъ вторая: мы говоримъ о тенденціи къ гипостазированію, овеществленію общихъ и коллективныхъ понятій, каковая тенденція переплетается съ неяснымъ пониманіемъ истинной природы метафорическихъ оборотовъ, во множествѣ встрѣчающихся въ технической формулировкѣ юридическихъ институтовъ. Сюда относится, съ одной стороны, тенденція возводить въ самостоятельныя реальности такія понятія, какъ понятія юридическаго лица, имущества (въ частности цѣлевого имущества), права (притомъ какъ въ объективномъ, такъ и въ субъективномъ смыслѣ), каковыя понятія конструируются:—одни какъ самостоятельные реальные субъекты правъ, другія—какъ самостоятельные реальные объекты правъ, третьи—какъ особыя соціальныя «силы» и т. д. Сюда, съ другой стороны, относится тенденція разсматривать ходячія образныя выраженія,—въ родѣ извѣстныхъ формулъ о «возникновеніи», «измѣненіи», «переходѣ», «прекращеніи» юридическихъ отношеній и субъективныхъ правъ, о «юридическихъ послѣдствіяхъ», порождаемыхъ тѣмъ или инымъ событіемъ или дѣйствіемъ, о «причинной связи» въ сферѣ правовыхъ отношеній, и т. д.,—какъ выраженія, представляющія собою адэкватную формулировку извѣстныхъ реальныхъ процессовъ. Правда, эти тенденціи не остаются безъ возраженій и споровъ,—достаточно вспомнить хотя бы безконечный споръ о природѣ юридическаго лица,—однако споры эти касаются только частностей, не затрагиваютъ всей ходячей концепціи въ цѣломъ, а потому не мѣняютъ общей картины. А въ основѣ ея лежитъ, въ концѣ-концовъ, ничто иное, какъ молчаливо допускаемое предположеніе о соотвѣтствіи, о формальной гармоніи, какъ основномъ моментѣ, опредѣляющемъ соотношеніе между юридическими институтами и конкретными отношеніями.

Между тѣмъ это предположеніе ни на чемъ не основано и не выдерживаетъ критики. Прежде всего, оно даже a priori невѣроятно. Вспомнимъ, что признаніе конкретныхъ отношеній сосуществованія въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ юридически существенными опредѣляется не теоретическими соображеніями, а практическими интересами и требованіями, въ зависимости отъ значенія, которое придается достигаемымъ при помощи подлежащихъ отношеній результатамъ, съ одной стороны, и средствамъ, при помощи которыхъ достигаются эти результаты, съ другой стороны, при чемъ рѣшающее значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, какъ соотвѣтствующіе моменты оцѣниваются, какъ они преломляются въ сознаніи соотвѣтствующихъ государственныхъ авторитетовъ. Въ зависимости отъ этого, однородныя по характеру своему конкретныя отношенія и системы отношеній могутъ подать поводъ къ весьма различной регламентаціи. Такъ, прежде всего, однородныя первичныя

---

[1] Ср. по этому вопросу мои статьи: «Къ ученію о субъектахъ правъ» («Вѣстникъ Права», ноябрь и декабрь 1904 г.) и «Къ ученію объ объектахъ правъ» («Вѣстникъ Права», сентябрь и октябрь 1905 г.).

отношенія, (въ смыслѣ отношеній, которыя складываются помимо непосредственнаго участія органовъ государственной власти, съ которыми послѣднимъ приходится считаться какъ съ чѣмъ-то извнѣ появившимся, представляющимъ въ каждомъ данномъ случаѣ новую проблему), могутъ быть признаны нормальными или ненормальными, желательными или нежелательными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ—въ какихъ предѣлахъ данныя первичныя отношенія и комбинаціи таковыхъ признаются нормальными—можетъ быть разрѣшенъ весьма различно, что не можетъ не оказать вліянія на характеръ юридической регламентаціи ихъ. Въ видѣ примѣра можно указать хотя бы на тѣ отношенія, которыя возникли помимо непосредственнаго участія государственныхъ авторитетовъ, какъ отношенія по защитѣ или по борьбѣ съ другими первичными отношеніями, (какъ, напр., различныя формы самоуправства: кровная месть, судъ Линча, дуэль): въ зависимости отъ общаго состоянія данной соціальной среды, такія отношенія при однихъ условіяхъ прямо реципируются, санкціонируются государственной властью, при другихъ же условіяхъ вызываютъ болѣе или менѣе критическое отношеніе къ себѣ, могущее дойти до того, что только общая цѣль, къ которой стремятся лица, вступающія въ подлежащія отношенія, но не средства, къ которымъ они прибѣгаютъ, представляются желательными. Уже на этой почвѣ является потребность въ организаціи *производныхъ* отношеній, (т.-е. такихъ отношеній, которыя, въ отличіе отъ первичныхъ отношеній, возникаютъ не помимо участія государственныхъ авторитетовъ, а напротивъ, составляютъ результатъ непосредственно направленной на организацію ихъ дѣятельности подлежащихъ органовъ государственной власти,—въ частности, по общему правилу, органовъ законодательной власти). Вмѣстѣ съ тѣмъ, ужъ въ этихъ случаяхъ соотвѣтствіе подлежащихъ юридическихъ институтовъ съ первичными конкретными отношеніями можетъ быть весьма условное, а порою можетъ и совсѣмъ отсутствовать. Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно тѣхъ случаевъ, когда производныя отношенія организуются на почвѣ признанія данныхъ конкретныхъ отношеній *вообще*, (т.-е. не только съ точки зрѣнія средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ въ подлежащихъ случаяхъ, но и съ точки зрѣнія общихъ цѣлей, на которыя эти отношенія направлены), ненормальными, требующими борьбы и принятія тѣхъ или иныхъ репрессивныхъ мѣръ, съ цѣлью воспрепятствованія появленію такихъ отношеній. Укажемъ для примѣра на отношенія, выражающіяся въ уголовно наказуемыхъ дѣяніяхъ, какъ то въ убійствѣ, кражѣ, грабежѣ, и т. д. Въ случаяхъ этого рода подлежащія первичныя отношенія, очевидно, служатъ исключительно только поводомъ къ выработкѣ соотвѣтствующихъ юридическихъ институтовъ, и о какомъ-либо соотвѣтствіи первыхъ со вторыми, по существу дѣла, не можетъ быть рѣчи. Въ подобнаго рода случаяхъ можно лишь ставить вопросъ о соотвѣтствіи такихъ юридическихъ институтовъ съ подлежащими производными отношеніями, которыя ими организуются. Опытъ показываетъ, что и въ этихъ случаяхъ далеко не всегда достигается на дѣлѣ ожидаемое соотвѣтствіе: зачастую такія

производныя отношенія пріобрѣтаютъ на практикѣ совсѣмъ не тотъ характеръ и не то содержаніе, которые имѣлось въ виду придать имъ созданіемъ соотвѣтствующаго института. Въ результатѣ въ подлежащихъ случаяхъ «цѣль законодателя» оказывается недостигнутой.

Прибавимъ къ сказанному, что, независимо отъ возможности различнаго отношенія, различной оцѣнки однородныхъ конкретныхъ отношеній по существу, и техника разработки юридическихъ институтовъ можетъ быть и бываетъ различная, въ частности болѣе или менѣе совершенная. Достаточно напомнить въ этомъ отношеніи о различіи въ построеніи институтовъ, которое получается—въ области частноправныхъ отношеній—въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы дѣло съ системой индивидуализированныхъ правъ, или же съ системою индивидуализированныхъ притязаній [1]. Только въ первомъ, а отнюдь не во второмъ случаѣ можетъ быть поставленъ самый вопросъ о соотвѣтствіи подлежащихъ юридическихъ институтовъ съ регулируемыми ими конкретными отношеніями: ибо только въ первомъ случаѣ объектомъ регламентаціи служатъ непосредственно самыя конкретныя отношенія въ цѣломъ, во второмъ же случаѣ непосредственно регламентируются только извѣстныя, привходящія къ первоначальнымъ, кореннымъ отношеніямъ, выражающимся въ томъ или иномъ воздѣйствіи подлежащихъ субъектовъ на подлежащіе объекты,—вспомогательныя отношенія, проявляющіяся въ тѣхъ или иныхъ нарушеніяхъ создавшагося status quo и порождающія со стороны потерпѣвшихъ (или считающихъ себя потерпѣвшими) лицъ опредѣленныя требованія, опредѣленныя притязанія противъ тѣхъ, кто нарушилъ (или считается нарушившимъ) ихъ «право». Въ связи съ сказаннымъ можно далѣе указать на различіе въ техническомъ построеніи институтовъ вещнаго права, которое получается въ зависимости отъ того, положить ли въ основу классификаціи ихъ римское противоположеніе dominium-jura in re aliena или средневѣковую франко-германскую систему различенія, въ составѣ единаго вещнаго права, различныхъ, болѣе сильныхъ и болѣе слабыхъ формъ его [2]. Какую бы изъ этихъ конструкцій мы ни предпочли, одно совершенно ясно: не могутъ же онѣ обѣ съ одинаковою точностью отражать подлежащія конкретныя отношенія. Но разъ это такъ, то, очевидно, дальнѣйшій вопросъ—которой

---

[1] Самымъ законченнымъ типомъ системы второго порядка является классическое римское право, которое представляетъ собою систему actiones, систему индивидуализированныхъ исковыхъ притязаній, изъ сопоставленія которыхъ лишь косвенно можетъ быть возстановлена система подлежащихъ субъективныхъ правъ въ цѣломъ. Ср. объ этомъ мой Курсъ римск. пр., I, стр. 147 и сл.

[2] Ср. *Gierke,* Deutsches Privatrecht, т. II, стр. 351 и сл. «Древне-германское право исходитъ изъ единаго понятія правового вещнаго господства, которое допускаетъ, однако, различныя модификаціи... На ряду съ наслѣдственнымъ правомъ собственности встрѣчается пожизненное, на ряду съ вѣчнымъ—срочное и резолютивно-обусловленное, наряду съ наличнымъ—суспенсивно-обусловленное и имѣющее лишь въ будущемъ осуществиться право собственности. Съ другой стороны, на ряду съ свободнымъ, полнымъ и неограниченнымъ правомъ собственности имѣется связанное, неполное, обремененное право собственности».

изъ нихъ съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отдать предпочтеніе—не можетъ быть разрѣшенъ помимо анализа подлежащаго, поддающагося эмпирическому изученію конкретнаго матеріала. Къ сходному же результату мы приходимъ, если обратить вниманіе на то различіе въ техническомъ построеніи институтовъ, которое связано съ казуистической или абстрактной формулировкой подлежащихъ нормъ.

Далѣе, нельзя не указать на тѣ случаи, въ которыхъ, въ результатѣ историческаго развитія, получается прямое расхожденіе между юридической формой и реальнымъ содержаніемъ подлежащихъ конкретныхъ отношеній,—расхожденіе, наблюдаемое всюду, гдѣ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ условій развитіе юридическихъ формъ въ той или иной области отстаетъ отъ жизни, не поспѣваетъ за нею, гдѣ эти формы—иногда въ теченіе весьма продолжительнаго времени — остаются стаціонарными, несмотря на коренныя перемѣны въ окружающихъ условіяхъ жизни. Въ основѣ этого лежитъ тотъ фактъ, что извѣстныя данныя, извѣстные моменты, (напр., извѣстный размѣръ государственной территоріи, извѣстное состояніе общественныхъ силъ, извѣстный строй хозяйственныхъ отношеній и т. д., и т. д.), которые были налицо въ то время, когда возникали соотвѣтствующіе институты, и которые оказали свою долю вліянія на выработку ихъ, хотя это въ свое время и не сознавалось, со временемъ исчезаютъ или замѣняются другими, иногда прямо противоположными, при чемъ эти перемѣны, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени, не отражаются на подлежащихъ юридическихъ институтахъ. Прямой выводъ отсюда, съ интересующей насъ въ настоящее время точки зрѣнія, заключается въ томъ, что мы въ подобнаго рода случаяхъ въ результатѣ историческаго развитія застаемъ не соотвѣтствіе, а, наоборотъ, прямое несоотвѣтствіе между юридическими институтами и конкретными отношеніями. Это, однако, не единственный выводъ, который мы можемъ сдѣлать; если возможенъ такой результатъ, то слѣдуетъ признать, что и въ то время, когда складывались соотвѣтствующіе институты, не могло быть полнаго соотвѣтствія между ними и подлежащими конкретными отношеніями, хотя бы въ томъ смыслѣ, что при выработкѣ и формулировкѣ этихъ институтовъ не всѣ моменты конкретныхъ отношеній, дѣйствительно имѣющіе значеніе, были приняты во вниманіе. Иными словами, регламентація коснулась только извѣстныхъ сторонъ этихъ конкретныхъ отношеній, т.-е. она была неполная.

Къ только что разсмотрѣнной категоріи случаевъ примыкаютъ тѣ случаи, когда юридическія формы, сложившіяся при однихъ обстоятельствахъ и преслѣдующія однѣ цѣли, при измѣнившихся обстоятельствахъ находятъ себѣ примѣненіе для достиженія другихъ цѣлей или, иначе говоря, распространяются на такія конкретныя отношенія, которыя первоначально вовсе не имѣлись и не могли имѣться въ виду, такъ какъ они появились или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣли массовый характеръ лишь позднѣе. И въ такихъ случаяхъ, очевидно, нельзя говорить о соотвѣтствіи между юридическими институтами и конкретными отношеніями.

Въ результатѣ всѣхъ предшествующихъ разсужденій оказывается, что молчаливо допускаемое доктриною предположеніе о существованіи въ каждой правовой системѣ какой-то предустановленной гармоніи между юридическими институтами и конкретными отношеніями вообще не имѣетъ серьезной почвы подъ собою. Это предположеніе, до сихъ поръ оказывающее опредѣляющее вліяніе на всѣ традиціонныя попытки догматическаго построенія, «конструкціи» юридическихъ институтовъ, должно быть безповоротно оставлено.

Возникаетъ вопросъ, чѣмъ же его замѣнить? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: на мѣсто этого произвольнаго предположенія, a priori безъ провѣрки принимаемаго, долженъ быть совершенно опредѣленно поставленъ общій вопросъ о дѣйствительномъ соотношеніи, о характерѣ связи юридическихъ институтовъ съ регулируемыми ими конкретными отношеніями, о возможныхъ въ этомъ отношеніи комбинаціяхъ. Этотъ вопросъ составляетъ самостоятельную проблему, которая можетъ быть удовлетворительно разрѣшена только при помощи спеціальнаго, посвященнаго разрѣшенію ея, анализа подлежащаго эмпирическаго матеріала. При этомъ, въ частности, при анализѣ съ указанной точки зрѣнія отдѣльныхъ институтовъ данной правовой системы, приходится останавливаться на двухъ главныхъ вопросахъ. 1) Первый вопросъ гласитъ: какія конкретныя отношенія регулируются даннымъ институтомъ, и въ какомъ именно смыслѣ: служатъ ли они только поводомъ для подлежащей регламентаціи, или же вмѣстѣ съ тѣмъ они доставляютъ и матеріалъ, опредѣляющій въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ содержаніе института, въ частности, объемъ устанавливаемыхъ имъ «правъ» и «обязанностей»? Этотъ вопросъ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о соціальномъ назначеніи юридическихъ институтовъ, о тѣхъ задачахъ и цѣляхъ, которыя имѣется въ виду достигнуть при ихъ помощи. 2) Второй вопросъ гласитъ: каковъ характеръ и каковы предѣлы самой регламентаціи, подчиняются ли ей подлежащія конкретныя отношенія въ цѣломъ или только при извѣстныхъ условіяхъ, съ извѣстной только стороны и т. д.? Этотъ вопросъ стоитъ въ свою очередь въ связи съ вопросомъ о юридической структурѣ отдѣльныхъ институтовъ, т.-е. съ вопросомъ о томъ, на какихъ субъектовъ, на какіе объекты, при какихъ условіяхъ (при наличности какихъ юридическихъ фактовъ) распространяются данныя нормы, образующія данный институтъ [1].

Сопоставленіе отвѣтовъ, которые мы должны получить въ результатѣ анализа отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ въ указанномъ направленіи, дастъ намъ необходимый матеріалъ для построенія общей схемы возможныхъ, по вопросу о дѣйствительномъ соот-

[1] Мы обращаемъ вниманіе на эту формулировку вопроса. Обыкновенно, вмѣсто того, чтобы спрашивать: на какихъ субъектовъ, на какіе объекты и т. д. распространяются данныя нормы,—спрашиваютъ, кто съ точки зрѣнія даннаго института является субъектомъ, кто или что объектомъ и т. д. Такая постановка вопроса, неправильная по существу, лишь содѣйствуетъ гипостазированію общихъ понятій и коллективныхъ терминовъ.

ношеніи между юридическими институтами и конкретными отношеніями, комбинацій.

Сейчасъ эта задача, въ виду отсутствія всякихъ подготовительныхъ работъ, представляется невыполнимою, и, во всякомъ случаѣ, далеко выходящей за предѣлы настоящей статьи. Единственное, что можно сдѣлать,—это иллюстрировать нашу мысль рядомъ примѣровъ, которые даже при бѣгломъ обзорѣ отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ, (разъ только отрѣшиться отъ предвзятаго предположенія о существованіи полной гармоніи между юридическими институтами и конкретными отношеніями), невольно бросаются въ глаза и свидѣтельствуютъ о томъ, какія разнообразныя комбинаціи встрѣчаются въ этой области на практикѣ.

Приступая къ выполненію этой задачи, мы прежде всего должны помнить, что предметомъ регламентаціи если не всегда, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ служатъ не простыя, единичныя отношенія, хотя бы и пріобрѣтшія массовый характеръ, а эмпирически сложившіеся, болѣе или менѣе постоянные сложные комплексы или системы конкретныхъ отношеній, связанныхъ между собою въ качествѣ звеньевъ цѣлаго механизма, оказавшагося пригоднымъ для достиженія тѣхъ или иныхъ типичныхъ цѣлей.

При этомъ предметомъ регламентаціи могутъ служить либо отдѣльныя только стороны даннаго комплекса отношеній, либо весь комплексъ въ цѣломъ. Въ послѣднемъ случаѣ регламентація можетъ быть единая въ томъ смыслѣ, что складывается единый институтъ, обнимающій данный комплексъ отношеній во всемъ его объемѣ, или же различныя стороны такого комплекса регулируются каждая особо, такъ что общая картина получается только, если сопоставить всѣ относящіеся къ данному комплексу институты. Другими словами, самостоятельной регламентаціи могутъ подлежать: 1) либо каждое изъ звеньевъ въ данной цѣпи конкретныхъ отношеній, образующихъ извѣстный постоянный комплексъ, 2) либо рядъ такихъ звеньевъ, объединяемыхъ тѣми или иными практическими моментами, 3) либо, наконецъ, данная система отношеній въ цѣломъ.

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что выдѣленіе тѣхъ или иныхъ звеньевъ, входящихъ въ составъ даннаго комплекса отношеній, въ самостоятельные институты можетъ покоиться на различныхъ основаніяхъ.

1) Такое выдѣленіе можетъ быть вызвано тѣмъ, что только данная сторона или данныя стороны извѣстной системы отношеній признаются нуждающимися въ особой юридической регламентаціи; достаточно указать на отношенія семейственнаго права, какъ-то на отношенія между супругами, между родителями и дѣтьми, по опекѣ: каждая изъ перечисленныхъ группъ отношеній въ жизни составляетъ нѣчто цѣльное, образуя своеобразную, постоянную систему отношеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ они только въ части подлежатъ юридической регламентаціи, тогда какъ въ остальномъ въ этой средѣ дѣйствуютъ нормы иного порядка, въ томъ числѣ на первомъ планѣ нормы морали (отчасти ходячей, отчасти чисто личной, субъективной). 2) Далѣе, выдѣленіе можетъ быть основано на

томъ, что оно даетъ возможность объединить въ данномъ направленіи не одну только, а рядъ сложныхъ системъ отношеній, разнородныхъ въ остальномъ; такъ, напр., отношенія вещнаго права, разнородныя по содержанію, какъ-то право собственности, залоговое право, сервитуты, могутъ представлять черты большого сходства, позволяющія ихъ объединить въ одномъ институтѣ, съ точки зрѣнія способовъ установленія и прекращенія соотвѣтствующихъ правоотношеній: вспомнимъ хотя бы институтъ крѣпостныхъ реестровъ (и книгъ) для недвижимостей. 3) Засимъ, основаніемъ для выдѣленія можетъ послужить признаніе желательности—съ точки зрѣнія юридической регламентаціи—расчленить отношенія, связанныя въ жизни. Укажемъ на отношенія, вытекающія изъ абстрактныхъ сдѣлокъ, и въ частности, на отношенія, вытекающія изъ вексельныхъ обѣщаній, часть которыхъ регулируется нормами вексельнаго права, а другая часть—нормами общегражданскаго права.

Къ указаннымъ случаямъ примыкаютъ тѣ случаи, въ которыхъ основаніемъ для созданія особыхъ юридическихъ институтовъ является разграниченіе внутренней и внѣшней стороны въ составѣ данной группы (или даннаго ряда группъ) отношеній. Самый характерный примѣръ этого рода представляетъ институтъ юридическихъ лицъ, самостоятельно регламентирующій внѣшнюю сторону подлежащихъ сложныхъ коллективныхъ организацій, обнимающихъ весьма разнородныя, съ точки зрѣнія внутренняго взаимоотношенія, системы отношеній. Другой примѣръ представляетъ институтъ представительства.

Не менѣе важное значеніе имѣютъ на практикѣ тѣ случаи, въ которыхъ выдѣленіе того или иного момента и отдѣльная регламентація его вызваны просто тѣмъ, что этотъ моментъ позднѣе другихъ, входящихъ въ составъ даннаго комплекса отношеній, обратилъ на себя вниманіе и породилъ потребность въ соотвѣтствующей регламентаціи, вылившейся въ форму самостоятельнаго юридическаго института; въ видѣ примѣра можно указать на институтъ регламентаціи продолжительности рабочаго дня въ извѣстныхъ производствахъ.

Приведенный перечень можно было бы продолжать ad libitum. Однако, и сказаннаго достаточно для подтвержденія нашей исходной мысли о томъ, что дѣйствительное соотношеніе, существующее въ отдѣльныхъ случаяхъ между юридическими институтами и тѣми конкретными отношеніями, которыя ими регулируются, бываетъ до крайности разнообразное. Притомъ, какъ мы видѣли, это разнообразіе возможныхъ комбинацій вытекаетъ не изъ какихъ-либо апріорныхъ, теоретическихъ предпосылокъ, а покоится, наоборотъ, на чисто-практическихъ, и въ этомъ смыслѣ ирраціональныхъ мотивахъ,—искать въ этомъ процессѣ логической стройности и законченности не приходится.

Это важно помнить, какъ при разрѣшеніи вопроса, непосредственно нами поставленнаго въ настоящей статьѣ, такъ и при попыткахъ оцѣнки юридическихъ институтовъ съ точки зрѣнія соотвѣтствія ихъ съ дѣйствительными потребностями жизни. Всюду и вездѣ исходнымъ пунктомъ долженъ служить анализъ реальныхъ жизненныхъ отношеній, какъ таковыхъ.

III.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Никакой предустановленной гармоніи между юридическими институтами и подлежащими конкретными отношеніями не существуетъ.

2) Вопросъ о степени соотвѣтствія между тѣми и другими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ составляетъ самостоятельную проблему, при разрѣшеніи которой необходимо учитывать всѣ тѣ моменты, на которые выше было указано. Въ частности, приходится ставить вопросъ о томъ, охватываетъ ли данный институтъ подлежащую систему конкретныхъ отношеній въ полномъ объемѣ, или онъ касается только той или другой стороны ея; не произошли ли съ того времени, когда успѣлъ сложиться данный институтъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ историческихъ условій, болѣе или менѣе существенныя измѣненія въ подлежащей системѣ конкретныхъ отношеній и т. д., и т. д.

3) Въ остальномъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, приходится различать отношенія, возникшія помимо участія государственныхъ авторитетовъ, или отношенія непосредственныя, и отношенія призванныя къ жизни соотвѣтствующими мѣрами этихъ авторитетовъ, или отношенія производныя.

Это различіе, не играющее никакой роли въ первобытныхъ условіяхъ соціальной жизни, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усложненія условій жизни, и, въ частности, по мѣрѣ того, какъ укрѣпляется реальная сила и формальный авторитетъ органовъ государственной власти, начинаетъ пріобрѣтать все большее значеніе.

Общимъ образомъ, конечно лишь аппроксимативно, это различіе, въ болѣе развитыхъ условіяхъ государственной и общественной жизни, совпадаетъ съ различіемъ отношеній, регулируемыхъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, съ одной стороны, и отношеній, регулируемыхъ остальными (за исключеніемъ уголовнаго права) отдѣлами т. н. публичнаго права (правомъ государственнымъ, административнымъ, процессуальнымъ и т. д.), съ другой стороны.

4) Останавливаясь, въ частности, на отношеніяхъ непосредственныхъ, слѣдуетъ сказать, что вопросъ о соотвѣтствіи между ними и подлежащими институтами можетъ быть поставленъ лишь постольку, поскольку эти отношенія служатъ не только поводомъ [1], но и матеріаломъ [2] для формулировки соотвѣтствующихъ институтовъ.

Въ этихъ предѣлахъ степень соотвѣтствія между подлежащими типичными отношеніями и институтами тѣмъ большая, чѣмъ болѣе юридическая регламентація ограничивается простой рецепціей того, что даетъ жизнь.

5) Что же касается отношеній производныхъ, т.-е. тѣхъ, гдѣ жизнь выдвигаетъ только извѣстныя заданія, самыя же формы, въ которыя

---

[1] Прототипъ—отношенія матеріальнаго уголовнаго права.

[2] Прототипъ—отношенія матеріальнаго гражданскаго и торговаго

выливаются соотвѣтствующія стремленія, представляютъ продуктъ сознательнаго творчества государственныхъ авторитетовъ,—то въ этой области, гдѣ въ извѣстномъ смыслѣ институты составляютъ prius, а покоющіяся на нихъ конкретныя отношенія posterius, несомнѣнно чаще всего можно ожидать значительнаго соотвѣтствія между тѣми и другими: такъ, напр., при нормальныхъ условіяхъ постановка законодательныхъ, административныхъ, судебныхъ органовъ, порядокъ сношеній ихъ съ частными лицами, и т. д., въ законѣ и въ жизни довольно близко подходятъ другъ къ другу. Однако, и здѣсь возможны большія колебанія: это зависитъ (не говоря уже о модифицирующемъ вліяніи историческихъ моментовъ), между прочимъ, отъ того, насколько созданныя такимъ путемъ формы ко времени появленія ихъ представляются жизненными по существу и технически правильно построенными, насколько онѣ, въ связи съ этимъ, оказываются въ состояніи служить именно тѣмъ цѣлямъ, которыя при созданіи ихъ имѣлись въ виду. Поскольку въ томъ или другомъ изъ указанныхъ отношеній допущены ошибки, реальное содержаніе, которое жизнь вкладываетъ въ эти формы, можетъ весьма и весьма разойтись съ ожиданіями творцовъ ихъ, и на дѣлѣ—вмѣсто соотвѣтствія—и здѣсь можетъ получиться глубокое расхожденіе.

Д. Гриммъ.

ЦАБ "Автограф"
март 2021